

ФУРСОВ Кирилл Андреевич

ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

ОБ АВТОРЕ:

Старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова.

Рассмотрение ситуации в Евразии и мире вследствие распада СССР через призму основных теорий геополитики помогает выявить логику действий крупнейших игроков на мировой арене и предсказать их дальнейшие шаги, а значит, дать рекомендации для поведения России.

В свете концепции британского географа Хэлфорда Маккиндера (1861–1947) и его американского последователя Николаса Спикмэна (1893–1943) **распад Советского Союза стал разрывом Хартленда — «Сердцевинной земли» Евразии**. Если ранее политическое и географическое понятия Хартленда были близки (хотя кроме Российской империи / СССР охватывал он и Монголию, и центральноазиатскую часть Китая), теперь они не совпадают довольно явно: политический Хартленд — Российская Федерация, а географический включает, кроме неё самой, Монголии и внутреннего Китая, её ближнее зарубежье. Такой разрыв произошёл впервые за несколько столетий. Конечно, имел он место и после 1917 года, но тогда лимитрофы (государства по окраинам обширной державы) были быстро собраны Россией вновь — уже Советской. Сегодняшнее же состояние разорванности длится почти 30 лет.

Поскольку СССР был крупнейшей по площади теллуократией (сухопутной державой), эта разорванность означает пусть и не крах, но серьёзное ограничение теллуократического номоса, т. е. принципа организации пространства, если говорить языком немецкого геополитика Карла Шмитта (1888–1985). Конечно, в эпоху авиации и ракет дихотомия сухопутных и морских держав несколько потеряла остроту, но вовсе не исчезла. А поскольку борьба этих держав — это игра с нулевой суммой, **разорванность Хартленда означает новый подъём талассократий**

(морских держав), новый выход на передний план «морской силы» (термин американского адмирала Альфреда Мэхэна (1840–1914), или, если вернуться к схеме Х. Маккиндера, зоны Внешнего полумесяца. К слову, геополитика как отрасль знаний и возникла за сто лет до этого как тревожная реакция англосаксов на небывалый подъём России — во многом чуждой им сухопутной политики, которая успешно организовала немалую часть крупнейшего материка Земли.

Десятилетия после смерти евразийского гиганта демонстрируют новый взлёт талассократий вполне ясно. **Чтобы закрепить успех, атлантизм продолжал осуществлять киссинджеровскую стратегию соединения (linkage)**, которая направлена на то, чтобы уже бесповоротно включить в атлантистскую сферу влияния Римленд — «Окаёмочную землю» Евразии (ещё один термин Х. Маккиндера). Ряд сегментов Римленда составляют, по атлантизму, осколочные пояса (shatterbelts). Так американский антропогеограф Сол Коэн (1925–2018) назвал регионы с неопределённой геополитической ориентацией, которые внутренне нестабильны, да ещё выступают объектами соперничества великих держав [4, с. 43]. Писал он, прежде всего, о Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии, но распад СССР обострил качество «осколочности» ещё у одного региона — Восточной Европы. Главным геополитическим инструментом по её втягиванию в орбиту атлантизма стало поэтапное расширение НАТО на восток. Кто пытался остаться самостоятельным, тех бомбили (Югославия, 1999 год). В ближнем зарубежье России атлантизм к тому же времени содействовал появлению международной региональной организации антироссийской направленности — ГУАМ.

Распад советской сверхдержавы облегчил атлантизму задачу попытаться поставить под контроль разные сегменты Римленда. (Сделать это он пытался и в Холодную войну, но тогда перетягивание шло с переменным успехом.) На Ближнем Востоке эти попытки начались даже раньше гибели СССР — первая война в Персидском заливе (1991), когда умирающий Союз встроился в политику США в регионе. В Южной Азии крах СССР подготовил почву для сближения США с Индией, а в Северо-Восточной Азии усилил изоляцию КНДР. Всё это сопровождалось уходом России из Мирового океана, где СССР благодаря теоретику и практику геополитики адмиралу Сергею Георгиевичу Горшкову (1910–1988) успешно играл на поле талассократий.

Новый этап давления атлантизма на Евразию начался с приходом XXI века. Предлогом послужило обрушение нью-йоркских башен-близнецов в 2001 году — такой же спектакль, как взрыв американского крейсера «Мэн» в бухте Гаваны в 1898 году, Пёрл-Харбор в 1941-м или Тонкинский инцидент 1964-м. На этот раз атлантизм пытался «вгрызться» уже даже не в Римленд, а глубже — в Хартленд. Это вторжение в Афганистан и получение на несколько лет военно-воздушных баз в Центральной Азии (США — в Ханабаде и Манасе, Францией — в Душанбе, Германией — в Термезе). Это организация «цветных революций» 2004 и 2014 годах на Украине. **В том же направлении работают некоторые транспортные проекты Запада.** Это и TRACECA (Transport Corridor Europe — Caucasus — Asia), который призван оторвать от России Южный Кавказ и Центральную Азию. Это и «Новый Шёлковый путь» госсекретаря (2009–2013) Хиллари Клинтон, который призван интегрировать Центральную Азию с Южной в ущерб интересам России и Китая. Оба этих проекта уместно трактовать как атлантистские геополитические лучи (векторы воздействия геополитического полюса на периферию), бьющие с океанов в хинтерланд (внутренние районы континента). Впрочем, проба сил атлантизма в Хартленде началась уже в 1990-е годы в Чечне.

Параллельно атлантизм продолжает «откусывать», где можно, сегменты Римленда. (Приём, англосаксами отработанный, — в масштабах Индийского субконтинента так действовала в XVIII–XIX веках британская Ост-Индская компания.) Это вторжение в Ирак и «революция роз» в Грузии в 2003 году, свержение М. Каддафи в Ливии в 2011-м. «Откусывание» не всегда предполагает установление прямого контроля, кое-где это политическая фрагментация для создания управляемого хаоса. Правда, в Южной Осетии в 2008 году и Сирии после 2011 года такие планы были сорваны. Однако вопрос Ирака как самостоятельной региональной державы США решили, похоже, окончательно.

Более того, стремительная **экспансия ИГИЛ¹, которое, как раковая опухоль, расползлось было**

по Ираку и Сирии, была выгодна американцам как подъём квазигосударственного образования, враждебного России (а также перерезающего сухопутные коммуникации Китая с Европой). Об опасности возникновения такого образования на стратегически ключевой территории к югу от Кавказа дальновидно предупреждал ещё накануне Первой мировой войны русский геополитик подполковник Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (1867–1933): «Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана. Такое государство не существует ещё, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем» [1, с. 91]. Кстати, когда медиахолдинг ИГИЛ «Аль-Хайят» переводил тексты и видео на девять языков, русский часто шёл на втором месте после английского.

Хотя США и создали против ИГИЛ международную коалицию, воевала она очень вяло. **Подъём этого «халифата» не противоречил общей стратегии атлантизма по удушению Евразии.** Мы наблюдаем в действии «стратегию анаконды», которая родилась в ходе Гражданской войны в США 1861–1865 годов и которую на мировой уровень вывел в своих работах рубежа XIX–XX веков А. Мэхэн. Инструментами этого давления — исламскими радикалами — американцы привыкли пользоваться давно, с их опосредованной войны против СССР в Афганистане 1979–1989 годов.

Попытка США выдавить Россию из Сирии стала контрпродуктивной, потому что полный уход из Средиземноморья грозил бы России потерей последнего союзника на Ближнем Востоке и оголением южных рубежей. Неслучайно Средиземное море играет ключевую роль в концепции бельгийского геополитика Жана Тириара (1922–1992). Он подчёркивал, что закупорить это море с обеих сторон (Гибралтарского пролива и Суэцкого канала) — первостепенная задача для любой континентальной силы, которая хотела бы избавить Афроевразию (Мировой Остров, по терминологии Х. Маккиндера) от американского диктата. В самом деле, Средиземноморье — очень уязвимый сегмент Римленда, поэтому за него идёт столь острая борьба.

Однако **к началу XXI века стало ясно, что схема Х. Маккиндера — Н. Спикмэна требует существенной модификации ввиду подъёма Китая** и его комплексной торгово-инвестиционно-военно-инфраструктурной мировой экспансии. На важность китайского фактора указал, к примеру, американский геополитик-атлантист Збигнев Бжезинский (1928–2017) в своей последней книге «Стратегический взгляд» (2012). Здесь Китай, как угроза для США, затмил даже Россию, которую в самой известной своей работе «Великая шахматная доска» (1997) Зб. Бжезинский предлагал, по сути, расчленив натрое, прикрываясь целью «высвободить творческий потенциал как российского народа, так и обширных природных ресурсов страны» [3, с. 202].

1 Данная террористическая организация запрещена на территории РФ.

Китайский фактор более всех прочих ломает талассократиям планы контролировать весь Римленд. Поэтому наличие такого фактора исключает сейчас окружение англосаксами России по периметру границ. (Конечно, есть у Китая собственные геополитические противоречия с Россией.) Более того, многие действия в Римленде, которые предпринимают англосаксы, направлены уже не столько против России, сколько против Китая, против его стратегии, которую американцы поэтично в его стиле называли «нитью жемчуга» (создание цепи военных и торговых баз по берегам Южно-Китайского моря и Индийского океана вплоть до побережья Судана). Среди этих действий — раздувание сепаратизма белуджей в Пакистане и конфликта вокруг мусульман-рохинджа в Мьянме.

Несмотря на распад СССР, учинить «конец истории» у талассократий не вышло. Х. Маккиндер оказался проницательнее Н. Спикмэна. Американец считал, что морские державы через контроль над Римлендом могут победить сухопутные на все времена, тогда как британец был взвешеннее и считал, что дуализм моря и суши как двигатель мировой истории вечен. Если последствиями краха СССР считать не только продолжающиеся центробежные процессы на постсоветском пространстве (такие как программы ассоциации бывших европейских республик СССР с Евросоюзом), но и центростремительные — **процессы евразийской интеграции через создание ЕАЭС и ОДКБ**, то последнее уместно трактовать как попытку построить «большое пространство» в духе теорий Карла Шмитта и Карла Хаусхофера (1869–1946). Неслучайно, по словам К. Шмитта, происхождение этого термина уходит корнями «не в государственную, а в технико-промышленно-экономическо-организационную сферу» [5, с. 11–12]. Названные немецкие геополитики настаивали, что для сухопутных держав создание «большого пространства» — единственное средство выстоять перед лицом морских.

На строительство более широкого «большого пространства», в масштабах всего евразийского континента, нацелен транспортный мегапроект Китая «Один пояс, один путь». Поскольку его сухопутная часть — «Экономический пояс Шёлкового пути» — проходит по Центральной Азии, без распада СССР её осуществление было бы невозможно. Выгодно ли оно России — вопрос неоднозначный (хотя некоторое участие Транссибирской магистрали проект предусматривает). Однако коль скоро проникновение Китая в этот регион уже идёт (хотим мы того или нет), в данном случае распад СССР объективно может содействовать сближению России и Китая через диалог в Центральной Азии. **А сближение двух стран континентальной величины гарантирует сдерживание натиска атлантизма на Евразию.** Это сближение позволяет России лишиться США возможности поссорить две державы, а Китай — положения «третьего

радующегося», который в связке трёх сил привык быть пассивной силой при двух активных и извлекать из этого выгоду (как в 1970-е годы).

Если евразийскую интеграцию понимать наиболее широко, то Россия располагает целым набором геополитических инструментов, позволяющих ей внести вклад в этот процесс. Часть из них — это советское наследие, например, Транссиб и Севморпуть. Часть — новые инструменты, такие как трубопроводы «Турецкий поток» и два «Северных потока». Проекты трубопроводной геополитики могут содействовать подключению к общеевразийскому «большому пространству» Турции, Германии и других стран. В условиях постсоветской Евразии эти проекты, а также продвижение в Европу «русской» железнодорожной колеи 1520 мм, способны помочь России минимизировать последствия распада Союза и послужить ей геополитическими лучами, которые нейтрализуют воздвигнутый между Россией и Средней Европой «санитарный кордон», или, говоря языком отечественного геополитика Вадима Леонидовича Цымбурского (1957–2009), европейскую часть Великого Лимитрофа.

Отчасти геополитическим следствием распада СССР уместно считать усиление региональных центров силы в Евразии. Так, Турция усилилась в том числе за счёт влияния в этнически близком Азербайджане, Иран — за счёт влияния в Центральной Азии. Последнему обстоятельству способствовала стыковка в 1996 году железнодорожных систем Ирана и Центральной Азии в Сараксе (название двух населённых пунктов по обе стороны иранско-туркменской границы). Проникновение Ирана в этот регион — тоже вопрос для России неоднозначный. С одной стороны, проникновение идёт за счёт её влияния; с другой стороны, объективно, как в случае Китая, оно создаёт предпосылки сотрудничества Ирана с Россией в деле создания «большого пространства» по К. Шмитту и исключения атлантистского влияния из зоны «Евразийских Балкан», как назвал Зб. Бжезинский бывшие азиатские республики СССР и Афганистан. Пример — строительство железнодорожного полукольца к востоку от Каспия и вообще транспортного коридора «Север — Юг» от Хельсинки до Мумбаи. На роль этого коридора как геополитической скрепы Евразии указывает то, что формируется он параллельно и как бы в противовес Западному разлому от Скандинавии до Африканского Рога. Это один из двух геостратегических разломов, которые выделил современный иранский геополитик Мохаммад Реза Хафезния (род. 1955). Для данного разлома характерно противостояние России с НАТО и водоворот локальных конфликтов на Ближнем Востоке.

Благодаря беспрецедентному развитию транспортных коммуникаций Хартленд и Римленд в XXI веке впервые в истории могут объединиться против Внешнего полумесяца и прорвать «кольцо анаконды», которое направлено против Хартленда

и в котором Римленду атлантисты отвели роль пешки в чужой игре. (О последнем ярко свидетельствует «выкручивание рук» Европе в связи с антироссийскими санкциями.) По сути, **развитие инфраструктуры в эпоху глобализации даёт возможность теллурукратиям Евразии обратить глобализацию против того, кто её в своих интересах запустил, — США.** «И вкусили они вред своих дел, и последствия их дел оказались убытком» (Коран, 65:9)². Это вполне в духе концепции POSSIBILISMA основателя французской школы географии и геополитики Поля Видоля де ла Блеша (1845–1918). Он подчёркивал, что пространственное положение — лишь возможность, а её реализация зависит от человека.

Идею «инфраструктурных коридоров», причём именно для Евразии, выдвинул в конце XX века американский экономист Линдон Ларуш (1922–2019). Исходил он из того, что экономические интересы США и стран Евразии дополняют друг друга, и американцам было бы выгодно участвовать в развитии транспортной инфраструктуры крупнейшего континента. Однако в правящих кругах США преобладает противоположная точка зрения, согласно которой это развитие грозит уменьшением их рычагов влияния в Старом Свете. Вот почему **сеть инфраструктурных коридоров может стать антиамериканским орудием и воплотить в жизнь идею общеевразийского союза, о котором мечтали многие геополитики континентальной школы:** К. Хаусхофер с его блоком «Германия — СССР — Япония», Ж. Тириар с его Евро-советской империей от Дублина до Владивостока, Александр Гельевич Дугин (род. 1962) с его концепцией неоевразийства и другие. В рамках концепции А. Г. Дугина постепенное укрепление связей России с Германией и Ираном можно трактовать как шаги в направлении создания дружественных России «вторичных империй» в Западной Европе и на Среднем Востоке. Отсюда попытки атлантизма рассорить Россию с Турцией и Египтом в 2015 году (через падение самолётов — военного и гражданского, причём с интервалом менее месяца), а также с Китаем в 2018 году — через заявление советника президента США по национальной безопасности (2018–2019) Джона Болтона о китайских ракетах, которые якобы смотрят в сердце России.

Вместе с тем **активное участие России в международных проектах не должно затмевать задачу поднимать хозяйство внутренних районов страны**, о которой писал В. Л. Цымбурский. **Крах СССР ставит эту задачу на повестку дня России тем очевиднее.** Неслучайны железнодорожные проекты Севсиб и Белкомур, проекты автомобильного моста через Лену и расширения БАМа. Концепция В. Л. Цымбурского «Остров Россия» верна в том, что подчёркивает важность опоры на собственные силы. В частности,

освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока гарантирует их сохранение в составе России: глаз на эти территории Запад положил по меньшей мере ещё в 1940-е годы, когда Х. Маккиндер выделил особую зону Lenaland, «отсоединил» её от Хартленда и «присоединил» к Римленду.

Однако концепция В. Л. Цымбурского отдаёт изоляционизмом, которого Россия позволить себе не может. Ведь, как подчеркнул отечественный востоковед Владимир Николаевич Колотов (род. 1969), пока единственный работающий проект подлинно евразийского масштаба — это восемь дуг нестабильности Евразии [2, с. 37]. Причём они не разрозненны, это система. Вспоминаются слова А. Е. Вандама об англосаксах, которые двигают народами «с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении: каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?» [1, с. 43–44]. Некоторые из дуг нестабильности Евразии начали складываться ещё в период Холодной войны, но появление других и, главное, оформление их всех в некую систему стало возможным именно благодаря краху СССР.

Распад Советского Союза — безусловно, крупнейшая геополитическая катастрофа XX века. Он резко сместил баланс силы в мире, приведя во многих странах к социальной напряжённости, а кое-где и к войнам, как межгосударственным, так и гражданским. **И всё же в целом политически единый Хартленд в лице России сохраняется, и, если грамотно следовать теоретикам континентальной школы геополитики, у него есть шанс взять за своё поражение 1991 года реванш.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вандам (Едрихин) А. Е. Наше положение // Вандам (Едрихин) А. Е. Геополитика и геостратегия / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Образцова; заключ. ст. И. Даниленко. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 27–154.
2. Колотов В. Н. Евразийская дуга нестабильности: предварительные итоги 2016 г. // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / Гл. ред. В. Н. Колотов. СПб.: Изд-во «ИПК НП-Принт», 2017. С. 5–50.
3. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. N.Y.: Basic Books, 1997.
4. Cohen S. B. Geopolitics of the World System. Lanham etc.: Rowman & Littlefield, 2003.
5. Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Dritte, unveränderte Auflage der Ausgabe von 1941. Berlin: Duncker & Humblot, 2009.

² Аят приведён по переводу И. Ю. Крачковского.